

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

ВЫСОЦКИЙ КАК НАШ СОВРЕМЕННОК

Не так давно на телевидении мне довелось поговорить о Высоцком. О том, как сложилась бы его судьба, если б он – это невозможно по многим причинам, но гипотетически – дожил до наших дней.

Наверное, хорошо, что Владимир Семенович не увидел всего этого, сказал я. Парадокс, который сейчас возмутит многих: но именно Высоцкий и есть символ советской эпохи, один из главнейших, наряду с Гагариным, Жуковым и книгой “Как закалялась сталь”. Советской, а не антисоветской.

И все его сотни песен о героических советских людях, и его ответ на вопрос, кого он считает центральной исторической фигурой (Ленин), и его ответ на вопрос о любимой песне (“Вставай, страна огромная...”) – тому порукой.

В 1937-м и 1938-м появилась на свет целая плеяда литераторов, зачатых в год сталинского запрета абортот – эти люди осчастливили русскую культуру: но сколько ни думаю о них, они никак у меня не объединяются в одно поколение.

Это же все плюс-минус ровесники: Владимир Высоцкий, сценарист Геннадий Шпаликов, писатель Венедикт Ерофеев – тот самый Венечка, а ещё прекрасный поэт Евгений Маркин – их всех давно нет с нами. Но недавно ушедшие Белла Ахмадулина и Владимир Маканин – тех же лет рождения. И живущие с нами, дай им Бог здоровья, Александр Проханов, Андрей Битов, Юнна Мориц и Александр Дольский – того же призыва.

Когда перечисляешь все эти имена – кажется, что расстояния между ними огромные. На самом деле иные из них могли мимо друг друга проходить еще в пацанском возрасте на московских улочках.

Бежит себе малолетка Высоцкий – а мимо пробегает малолетка Проханов: сверстники. Может быть, даже в футбол играли в московском дворе. Сталин ещё был живой. Невозможно себе вообразить.

Высоцкий умер очень давно, в позапрошлой жизни.

Он умер до айфонов, до войны на Донбассе, до программы “Дом-2”, до первой чеченской и до второй чеченской, до расстрела Дома Советов, до распада СССР, до слова “перестройка”.

Алла Пугачёва, которая живёт уже триста лет, ещё не записала своих первых звёздных пластинок – а он уже умер. В год смерти Высоцкого Борис Гребенщиков только-только выпустил свой первый полноценный альбом – а Гребенщиков уже лет пятьсот поёт.

Представляете, как давно умер Высоцкий? Даже второй “Терминатор” ещё не вышел тогда. Сергей Безруков ещё ни одной роли не сыграл. Достоинственное время.

* * *

Представляете, если б он дожил до “перестройки”? Когда все его друзья, за исключением разве что Николая Губенко и ещё двух-трех, на все голоса закричали о том, как это правильно, что развалилась эта рабская страна – советская, российская, холопья империя, – туда ей и дорога.

Нашёл бы он в себе силы сказать: “Нет, ребята, всё не так!”?

Или сидел бы в день расстрела Дома Советов между Лией Ахеджаковой и кем там? – Собчаком? Кохом? Бурбулисом? – и говорил бы: “Да, надо раздавить гадину!”

И Борис Абрамович Березовский вручал бы потом Владимиру Семёновичу государственные награды и первое собрание сочинений в золотом тиснении.

И Борис Николаевич Ельцин обнимал бы Высоцкого за плечо беспалой рукой и рассказывал бы на ухо, улыбаясь своей удивительной, во все лицо, улыбкой, как они, партийцы, уже знавшие, как все будет, слушали его “Охоту на волков” в бане и пили за свободу, понимаешь? “За нашу, Володя, с тобой свободу!”

Так было бы? – вот таким резонным вопросом задавался я.

И сделал вывод: хорошо, что не дожил. Не дожил – и выжил в итоге.

А если б он ещё и до наших дней дотянул? Года до 14-го, в котором сами знаете, что началось.

Нет, с одной стороны, другу Высоцкого – Михаилу Шемякину – всё понятно и про крымнаш, и про всё остальное. Всё отлично у Шемякина уложено в голове.

С другой стороны, зашёл я как-то в ЦДЛ, в 2014 году, а там сидят Игорь Кохановский и литератор Дмитрий Быков: кажется, это был последний раз, когда мы поздоровались с ними.

Кохановский помните, кто такой? “Мой друг уехал в Магадан, снимите шляпу, снимите шляпу”. Легендарный друг Высоцкого, с самой юности, ближе не бывает.

И то ли Быков спросил у Кохановского, то ли сам он не сдержался и стал уверенно цедить, что за воровство Крыма Высоцкий проклял бы всех, кто тут радуется этому. Так и сказал. И Быков кивал довольню.

Высоцкий, помню, в фильме 1967 года “Война под крышами” играл полиция на свадьбе. А спустя 50 лет вдруг стал бы за потомков полицаев болеть и волноваться – вот история, да?

Я улыбнулся и встал из-за столика: да ну вас, – подумал.

Оглянулся ещё раз и вдруг вообразил себе, что сидит Владимир Семенович меж этими вот двумя, и чуть не перекрестился. Потому что креститься надо, когда что-то несусветное кажется.

* * *

Нет, можно представить Высоцкого, снявшего шапку у монумента репрессированным. Но если представляю, как он поёт “Протопи-ка мне баньку по-чёрному”, а в толпе стоят и подпевают – кто там? – все вот эти лица, которых даже перечислять нет сил, – и что-то ломается внутри: нет, не может такого быть.

Но с Окуджавой случилось же! Это же теперь умещается в голове – что человек, написавший “Десятый наш десантный батальон”, говорил, что Басаеву нужно памятник поставить! Но он так говорил. Он говорил, что наблюдал пожар в Доме Советов как самый интересный сериал.

Можно вообразить себе Высоцкого, рассуждающего о том, сколько людей загубили в штрафбатах, но вообразить себе его, говорящего, что лучше б немцы нас завоевали – мы баварское пиво пили бы тогда, – нельзя: что-то опять ломается внутри, в голове. Чтоб он – и такое сказал? Чтоб он, вослед за Людмилой Улицкой, повторил: “Французы, в отличие от наших, сберегли своих”, – разве это возможно? Он, сын фронтовика, который, как в песне он пел, зажигалки на крышах тушил?

Но ведь Окуджава – он сам воевал! Он-то смог!

И что со всем этим знанием делать?

У нас другой пример есть – еще одна легенда – Александр Городницкий, который сначала написал пророческую песню про Севастополь, который

вернется домой, – а потом вдруг выступил на очередных выборах за партию “Яблоко”, которая собирается вернуть Севастополь обратно. Как у него всё это совмещается в голове, у Городницкого, кто-нибудь знает?

Как Высоцкий повёл бы себя, когда, с одной стороны, едва ли не все – понимаете, едва ли не все его друзья?! – а с другой стороны – единицы, – ну да, Губенко, ну, быть может, ещё Иосиф Давыдович Кобзон, который на прежних святынях ритуальных танцев не танцевал, и всё тот же Проханов, с которым, может быть, Владимир Семенович играл в футбол. Но скорей всего, не играли они ни в какой футбол.

Что сделал бы Высоцкий? Нет ответа.

Высоцкий умер и все противоречия разрешил. Советские врачи, выводя его из бесконечного запоя, подсадили всенародного Володю на наркотики, наркотики Володю убили, и теперь у нас сомнений нет. А догадки наши ничего не стоят. Что мои, что Кохановского.

* * *

Но даже эти мои вполне резонные вопросы вызвали невероятный шум и негодование в рядах поклонников Владимира Семёновича. Да как я посмел, как я мог?! Володя наверняка был бы за наших, иначе и не могло быть.

Слушайте, я только рад был бы такому ходу событий.

Но ведь Владимир Семёнович всё-таки считал ввод войск в Будапешт и в Прагу позором советской системы: а там имели место куда более сложные процессы, ибо Будапешт и Прага, чтоб из дня сегодняшнего было понятно, переживали примерно те же процессы, что и Киев четыре года назад.

А ввод войск в Афганистан? Рассказывают, что Высоцкий буквально рыдал от негодования: вот русские пришли и убивают афганцев.

То есть, прямо говоря, Владимир Семёнович являлся носителем сознания, в целом характерного для “шестидесятников”: с их удивительной верой в то, что просвещённый европейский и англосаксонский мир желает только добра и никуда войск не вводит, а зло повсюду сеем мы, советские.

Собственно, наша прогрессивная интеллигенция или люди, выдающие себя за интеллигенцию, до сих пор в этом уверены.

Двадцать пять лет понадобилось населению России в целом, чтоб осознать, наконец, масштаб провокаций и, давайте без экивоков, преступлений, свершенных прогрессивным миром в целях передела мира и наживы, – снос суверенных режимов, поддержка откровенно преступных их “сукиных детей” на самых разных континентах, ввод войск куда только вздумается и прочее тому подобное.

В 1987-м и даже в 1993 году население России и тем более наша интеллигенция, буквально влюбленная в Запад как образец мироустройства, любые разговоры на эту тему считали признаком пещерного сознания.

Упрямо твердивших противоположные вещи Эдуарда Лимонова или Александра Проханова, Сергея Кара-Мурзу или покойного философа Александра Зиновьева, или историка и филолога Вадима Кожинова старались в приличные места не допускать.

Высоцкому, как минимум, пришлось бы очень и очень сложно в те годы.

Разрыв со своей средой – вещь сложная, мучительная, зачастую просто невозможная.

Простые ведь вещи говорю? Так откуда такое неистовое желание защитить “нашего Володю”?

Володя – общий. Давайте будем честны с Володей. Он фарисейство и лукавство не выносил.

А вот отыграться за то, что его не публиковали, на каком-то этапе ему могло бы захотеться.

* * *

Помните, как нам гоняли бесконечную историю про то, как советские чиновники Высоцкого запрещали и загубили наконец святого человека?

Высоцкий, между прочим, с 1964-го по 1980-й был одним из ведущих актеров Театра на Таганке в Москве – театр этот был одной из визитных карточек

Страны Советов, попасть туда было невозможно – ни зрителям, ни артистам, желавшим стать такими же небожителями – как эти вот, играющие там.

Высоцкий в тридцати фильмах сыграл – несколько из них до экрана не дошли, – но ведь был танкист Володя в фильме 1966 года “Я родом из детства”, была “Вертикаль” 1967 года, где он спел пять своих песен, в 1968 году вышли сразу “Служили два товарища” и “Хозяин тайги”, а потом ещё были “Опасные гастроли” 1969 года, “Четвертый” 1972 года, “Плохой хороший человек” 1973 года, “Бегство мистера Мак-Кинли” 1975 года – и везде заметные роли, и главная роль в фильме 1976 года “Сказ про то, как царь Пётр арапа женил”, и “Маленькие трагедии”, конечно, и “Место встречи изменить нельзя”.

Да на него, запрещённого, вся страна смотрела 25 лет подряд. Он полторы тысячи концертов дал – и за огромное их количество его посадить могли – потому что там новость что творилось с бухгалтерией. Но не сажали же, глаза прикрывали на всё это.

А посадили бы? Чего вы кричали бы тогда? “Вор должен сидеть в тюрьме” – как многие из нас радостно кричат чуть что, или, напротив, стали бы утверждать, что советская власть невинного Володю загубила?

А на гастроли как он ездил – советский запрещенный артист, с которого КГБ якобы глаз не спускал: во Францию, в Польшу, в Германию, в Венгрию, в Болгарию, в США, в Мексику, в Канаду и даже на Таити? И на телевидении выступал там, и концерты давал огромные.

Вот как его держали и не пускали, сил не было никаких всё это терпеть. Похоже всё это на запрет?

Вообразите себе нынешнего артиста – который дал полторы тысячи концертов, из них половину на стадионах, а налоги платит через раз, а то и через два, ездит на самой дорогой машине в Москве, снимается каждые два года в шедевральном фильме, который смотрят по десять миллионов человек, а то и по пятьдесят миллионов, играет в театре, известней которого нет, – и говорит: загнобили меня, загнобили, власть кровавая, тираническая вздохнуть мне не даёт!

Да нынешние артисты, 99 из 100, душу бы продали за то, чтоб Высоцким пожить хоть недельку. Запрещённым, затравленным, загнанным.

Не утверждали его на какие-то роли? Да любого артиста, самого раскрепосного, один раз утверждают, а два раза нет – Высоцкий что, был Аль Пачино и Роберт де Ниро в одном лице? Он был хороший, крепкий артист. Мог подойти режиссеру, мог не подойти.

В “Ну, погоди!” Высоцкого не утвердили роль волка озвучивать, а Папанова утвердили. И что, Папанов – хуже волк, чем Высоцкий?

Высоцкого пробовали на роль Остапа Бендера – вы действительно думаете, что из него получился бы лучший Бендер, чем из Юрского или Андрея Миронова?

* * *

Остаётся одно – стихи его не печатали, да.

Знаете, придётся ещё одну вещь сказать.

Высоцкий – огромная личность. Высоцкий – миф. Истинный, почти невозможный, огромный. Такая, как у него, слава – только у “Битлз” была в его время на всю планету.

Высоцкий в нашем доме звучал, сколько я себя помню, и едва начали выходить и книги о нём, и его сборники – они тоже неизбежно приобретались. Хотя, воспитанный на классической поэзии, я довольно быстро для себя решил, что великие песни вовсе не означают, что сочинены они на великие стихи. Как и в случае “Битлз”, кстати.

И отцу моему, и матери эта нехитрая истина тоже быстро открылась, что вовсе не убавило нашей любви к Высоцкому, но я точно ни разу не помню, чтобы кто-нибудь перечитывал Владимира Семёныча ради того, чтоб перечесть. И тем более не было случаев, чтоб мы всерьёз говорили про его поэзию или про прозу – он ведь ещё и прозу писал.

Высоцкий как личность, как цельность много круче самого себя, поделенного на разные составляющие, – я до сих пор зачарован его образом, его силой, и он по-прежнему меня удивляет, этот тип, – но вот когда начинается

через запятую перечисление “Пушкин, Есенин, Мандельштам, Высоцкий...” или “Достоевский, Максим Горький, Шаламов, Высоцкий...” – сразу хочется как-то людей угомонить.

Не надо, слышите. Высоцкому хватает любви и славы и без ваших перечислений. Всякому своё место, а его место и без Пушкина с Есениным – не стыдное.

Помнится, когда на заре “перестройки” вышла известная вполне себе критическая статья Станислава Куняева о Высоцком, – Куняева едва не разорвали на части. Конечно, это всё от зависти, решил сразу мильён читателей. Или десять миллионов сразу.

А Куняев был, в сущности, прав.

Высоцкий, что называется, открыл ящик Пандоры, когда начал смешить своего слушателя, – чтоб нравиться этому слушателю, его среднему вкусу, – не повышая планку для слушателя, а понижая.

Куняев приводил в пример эту известную песню Высоцкого: про Лукоморье, которого и след простыл. Найдите, послушайте.

И Куняев очень спокойно объясняет: так нельзя делать. Это классические стихи Пушкина, которые воспитали целые поколения русских людей. Это – святое. И если мы сегодня начинаем высмеивать это, завтра приходят смехачи всех остальных мастей, которым смешно вообще все: русский солдат, русская женщина, русские святые, Россия как таковая.

И они пришли ведь.

* * *

Очень часто повторяют, что Высоцкий – это Есенин второй половины века. Нет, ребята, Высоцкий это не Есенин. Есенин был великий новатор стиха, поэтический гений. И, главное, Есенин никогда не пытался понравиться своему читателю – он с самого начала работал для высочайшего суда поэзии, где и словом оступиться было нельзя.

Представить себе Есенина, сочиняющего сатирические куплеты про пушкинское Лукоморье, – невозможно.

Мне говорят: да одни только военные песни – явное доказательство того, что Высоцкий – великий поэт.

Советские военные песни – это отдельная, требующая серьёзного разговора история. И “Тёмная ночь”, и “Эх, дороги...”, и всё та же “Вставай, страна огромная” – песни великие. Но никто ведь не будет всерьёз говорить, что написавшие стихи к этим песням Владимир Агатов, Лев Ошанин и Лебедев-Кумач – великие поэты?

Задумайтесь об этом. Поищите сами ответы – почему.

Самый лучший Высоцкий – это Высоцкий последних лет, когда ему уже не хотелось нравиться кому-либо, когда сочинил он “Райские яблоки” и “Кони привередливые”. Когда он не с легковым слушателем стал разговаривать, а с ангелами и с апостолами.

Это – классика.

Давайте любить Высоцкого таким, какой он есть. Не возвеличивать его там, где места ему нет, и не отрицать того, что любимей его у русских людей долгое время не было никого.

* * *

Впрочем, у этой славы есть, увы, обратная сторона. Пройдёт десятилетие, другое, третье, и значение Высоцкого приравняется в глазах новых поколений к значению предыдущих всенародных любимцев – скажем, Леонида Утесова, или Александра Вертинского, или Шалапина. И неважно, что Вертинский сам писал себе песни, а Шалапин пел чужие. Мог бы и свои петь. И слава у него была не меньше, чем у Высоцкого. Но много ли эти исполнители значат для современного молодого человека? Нет, немного.

И у Высоцкого будет та же самая ниша – для специалистов. Потому что Высоцкого можно только слушать. Читать его, в сущности, куда меньше смысла. Слух человека стремительно перестраивается – и расстроенная гитара

Владимира Семёновича уже не будет иметь и миллионной доли желающих её послушать.

А Есенин, Блок или Пушкин останутся на том же месте, что и были. Потому что они от саунда не зависят. Они все – в слове. Их слово – самоценно.

Погоня за прижизненной славой и, главное, игра на понижение ради того, чтоб нравиться большему количеству людей, оборачивается тем, что большая часть этой славы уходит вместе с твоими современниками.

Да, лучшее из написанного Высоцким – десяток, два десятка текстов – останется как факт русской литературы. Но через полвека значение Высоцкого и значение Станислава Куняева, при всём том, что первого слушали десятки миллионов, а второго читали даже не десятки тысяч, а считанные тысячи, – сравняется. Это будут вполне себе равноценные – на взгляд историка – фигуры. С литературоведческой точки зрения Куняев в известном смысле даже любопытнее, а во многом, как мыслитель, – прозорливее и глубже.

Не прочтите всё мной сказанное за кощунство, я не хочу никого обидеть. Я, как и вы, Высоцкого люблю.

Просто так будет, и это неизбежно.

Однако как символ эпохи Советской Владимир Семёнович Высоцкий останется до тех пор, пока мы помним это время и все его победы и трагедии.

Комментарии к статье с сайта svpressa.ru:

Vach

А я согласен с Захаром Прилепиным – Высоцкий именно советский, а не антисоветский.

А все его выверты – это от молодого бунтарства, от желания быть оригинальным, от широты души, от бьющего фонтаном темперамента, от желания выплеснуть всего себя!

Высоцкого люблю, выверты прощаю, да просто – не обращаю на них внимания!

Долгих

Компанию Высоцкому составляли: Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина и В. Туманов. Какими они стали “символами” советской эпохи, теперь известно всем. Поэтому кощунственно ставить Высоцкого рядом с настоящими символами Страны Советов Ю. А. Гагариным и Г. К. Жуковым.

vasilevs

Нередко не принимаю статьи Прилепина, но здесь – не добавить, не убавить: точно, честно, объективно, но главное – справедливо. Именно так и можно оценивать Высоцкого: бард, артист, избалованный вниманием и немного блуждающий, как и многие из нас, гражданин. Увы, ушёл из нашей жизни вместе с эпохой, в которой жил, а вот Есенин остался. И древний Пушкин.

Grigory

Меня Высоцкий своим песенным творчеством сначала заинтриговал, потом немного охладил к нему после прочтения сборника его стихов (самиздат) и этот сборник с лёгкостью кому-то отдал. Коллекционировал его виниловые диски, хотя практически их полностью и не прослушал.

А относительно того, насколько Высоцкий “наше всё”, свидетельствует такой факт: года два тому в очередную его годовщину дал объявление в Avito о продаже коллекции его пластинок. В ответ не получил ни одного звонка.

Захару спасибо за честное видение противоречивости сущности Высоцкого. Это не ода и не хула, а просто хорошее, честное эссе.

andreewich

Слишком баловнем он был. Излишества его погубили. Что хотел, то и получил. Сравнить Высоцкого с Есениным нельзя.

Есенин будет вместе с русским народом. Всегда!

Поэтом золотой бревенчатой избы.

objektiv

Если исходить из того, как мало Высоцкий ценил дары Фортуны и советской власти и как усердно приближал свой конец, то напрашивается один-единственный вывод: он пополнил бы собой ряды ельцепутов.

wowik

На мой взгляд, блестящая статья! Никто не знает “что было бы если бы было”. Но каждый вправе задать себе вопрос: что было бы, если... промахнись Фанни Каплан, задержись Гитлер на полчаса в пивной “Бюргербройкеллер” 8 ноября 1939 года... доживи В. Высоцкий до “пъерестройки”?

И каждый отвечает на подобные вопросы по своему разумению. Я так думаю, что в августе 1991 года он (Высоцкий) был бы на “баррикадах” у Белого дома... А вот в октябре 1993 его бы там не было... Как не было бы и его подписи под знаменитым “письмом 42”.

Но это чисто субъективное мнение.

Мне думается, Высоцкий не отделим от своих песен и от своей эпохи. Всё же он “не на все времена” в отличие от того же Есенина или Пушкина.

Полагаю, чем дальше наша советская эпоха, тем менее актуальна значительная часть творчества Высоцкого. Надолго останутся, пожалуй, только его военные песни...

aleksandra

Трудно сейчас сказать, что делал бы Высоцкий, с кем бы он был...

Сколько в те годы их было, жванецких, и из “кулинарного техникума”, рассказывающих анекдоты про наше бытё...

Вот и разрушали сознание, моральные устои.

Так рухнула великая страна.

komissar

Смотрел прилепинские “Уроки русского языка” о Высоцком, с удовольствием прочитал сегодняшнюю статью. На Высоцком паразитирует целый сонм якобы бывших друзей-приятелей, хороших знакомых и т.д. Была мода на Высоцкого, из всех раскрытых окон слышался его голос с хрипотцой. Прошла мода, наступило другое время, стало не до Высоцкого. Натужное напоминание о нём в годовщину 80-летия уже большинства граждан России не трогают. А посещение его музея Путиным просто предвыборный ход, ещё одна попытка понравиться.

diana

Хорошо сказал Прилепин: он не дожил до наших времён, потому и выжил. Действительно, неизвестно как повёл бы себя Высоцкий. Вон их сколько, наших прежних любимцев, скурвилось (нехорошее слово, неженское, но иначе не скажешь) в бесшабашное ельцинское время! Хорошо, что Высоцкий умер вовремя, сохранил о себе хорошую память. А статья Прилепина очень понравилась.

Rosa

Ну, Вы, Захар, и загнули: Высоцкий – символ Советской эпохи?!

Вы не жили в Советскую эпоху, даже детство Ваше пришлось на проклятую перестройку. Отсюда и такие выводы, по-иному Вы думать не можете, поэтому Ваше мнение субъективно. Недавно смотрела интервью по ТВ с И. Шемякиным (жив курилка!), который рассказывал, как Высоцкий ездил к нему в Париж и они вместе уходили в запой на 2 недели каждый раз. Высоцкий был личностью неординарной и своеобразной. Талант несомненно был, но не мирового масштаба. Даже им он не смог распорядиться из-за проблем с алкоголем. Про советских врачей додумывать не надо, зря Вы так... Так что на символ советской эпохи Высоцкий уж никак не тянет, извините. У нас были и есть другие символы. А статья получилась неплохая, вспомнили Высоцкого, его песни, которые любили далеко не все, как Вам кажется.

akbar

Зря, вы, Розочка, как бы спорите с автором, а по тому, что вы пишете, получается, что соглашаетесь.

Почему Высоцкий не был символом советской эпохи?

Столько фильмов, столько песен и не символ? Возможно, по-вашему, символы только Гагарин и Терешкова?

Нет, это не так.

В 80-х я в Ленинграде, приезжая как заочник на сессии, слышал не раз такой анекдот.

“В 21 веке на экзамене по истории советского периода студент, отвечая на вопрос, кто такой был Брежнев, даёт такой ответ:

– Мелкий политический деятель в эпоху Пугачёвой и Высоцкого!” (=))

Символы они и есть символы, и положительные и отрицательные, но главное всем известные.

avva1

Не был Высоцкий советским. Он был самим собой. Воспитывался он не в заводском дворе, а в кружке избранных у Артура Макарова (стоит прочитать об этом Артуре, чем он жил и как кончил). Тянуло его к прекрасным дамам и рыцарским подвигам, а не к Павке Корчагину и Олегу Кошевому. Идеализировал уголовную шпану и бандитов. Вывел блатную романтику из подполья на свет божий. Про партию почти ни слова. Про Сталина и так, и сяк. Недаром стал кумиром антисоветской сволочи. В армии не служил, на производстве не работал. Отсюда и его – “тот, который во мне сидит”. Штрафные батальоны – глумление над советскими офицерами. Был в горах, написал хорошую песню о друге. Ну а плюсы о нём, думается, его поклонники скажут.

Piranja

Как надоела эта каждый год, уж лет 30, болтовня о Высоцком!

И эти дурацкие вопросы – а с кем бы он был сейчас? Да таких вопросов по части истории и персоналий можно поставить тысячи и миллионы – но ведь они бессмысленны, а потому глупы. Я такие вопросы не принимаю (и поэтому не покупаю в магазине книгу – “А что было бы, если бы победил Гитлер?”). Зачем же такие вопросы ставят? Да чтобы графоману отметить (это ж не повод, а повод!), да копейку получить (когда уж миллионы девать некуда). Так если ты пишешь, так пиши уж правду. С Высоцким-то вопрос очевидный, и не надо строить растерянную рожицу. На главный вопрос отвечаю – Высоцкий был абсолютно, классически антисоветский поэт и человек. Прилепин привёл свои два доказательства, я приведу “Утреннюю гимнастику”. Классическая эзоповщина и фигокарманщина.

Ох, вот уже и скучно стало. А песни по телевизору – да пушай их себе поют. Песни петь у нас испокон веков же любят.

Лукович

Полностью согласен с автором, спасибо.

Феноменальная популярность Высоцкого ещё долгое время будет предметом исследования. Правильно отмечено – это символ эпохи. В этом и его сила, и все недостатки, и особенности.

60-е годы, страна медленно погружается в кризис. Общественные настроения того времени, не исключение – подспудное недовольство, направленное ни на что, апатия, смутное ожидание перемен. Именно это и смог выразить своим творчеством Высоцкий в очень доступных формах, но прямо скажем, очень отдаленных, за небольшим исключением, от настоящей поэзии.

Эпоха по сути не изменилась, его творчество, со своими бережущими душу аллегориями, ещё долго будет востребовано.

Yokostrov

Короля делает свита. Помню первые записи Высоцкого ещё на непрочных лентах ТИП-2. Когда в зале раздавался смех, то смех этот был какой-то лихорадочный. Простому человеку в эти залы попасть было, пожалуй, невозможно. Народ слушал Высоцкого только с магнитных лент. Некоторые называют Высоцкого явлением (миф у Прилепина). Именно явление, которое достаточно объективно, хотя и противоречиво, отразило нашу жизнь того времени. Это явление нашло подход к сердцам людей разного общественного положения. В этом и заключался его огромный успех.

Его мятежный дух отразился в песнях, особенно последних его лет. Прилепин достаточно точно дал характеристику поэту, его окружению, времени. А вообще-то у каждого свой Высоцкий.

Так я думаю.

Nikodim

Ну, прямо не ожидал – *молодец*, Захар!!! Очень умная статья. Еще раз – *молодец!*

Я помню ту статью Станислава Куняева в “Литгазете”. Именно тогда я впервые заметил это имя. Его оценка Высоцкого полностью совпала с моими впечатлениями. Куняев сказал тогда, что русская интеллигенция не приняла Высоцкого. По-моему, так это и было. Может, лишь с уточнением, что классическая русская, т.н. “почвенная” интеллигенция, а не слой нахрапистых творчил-общечеловеков.

И прав Захар – читать Высоцкого невозможно, я пробовал ещё тогда (книжка стихов “Нерв”) – убогая серость. А что касается песен, то уже в наши дни молодому поколению просто *непонятно*, о чём он поёт, да и сама манера исполнения уже далеко не так привлекает, как 40 лет назад. Дальше и тем более всё это мало кому будет интересно.

В общем, творчество Высоцкого останется интересным главным образом только нашему *советскому* поколению.

Единственное, в чём я не согласен с Захаром – это что у Высоцкого была всемирная слава, как у “Битлз”. Это явное преувеличение. Никому в мире, кроме советских людей, даже в то время он был неинтересен. Пробовал выступать в Париже, но – фиаско. Смысл его песен был (и остается) абсолютно чужд западной публике. Кстати, в отличие от Шалапина.

ava1

Наиболее яркой фигурой был легендарный московский вор Миша Ястреб, который непременно посещал Большой Каретный (в перерывах между отсидками). Судьба его была страшная, но типичная для послевоенных лет. Воровать начал с голодухи – отца расстреляли по “ленинградскому делу”, мать спилась. Позже, “выставляя” номенклатурные “хаты”, он называл себя Робин Гудом, народным мстителем. Непререкаемый авторитет среди воров почитал за честь посидеть за одним столом с занятыми ребятами с Большого Каретного.

“Мы жили в том времени, – говорил Артур Макаров. – В послевоенные годы страна была захлестнута блатными веяниями... У нас в школах и во всех дворах все ребята часто делились на тех, кто принимает, грубо говоря, уличные законы, и тех, кто их не принимает, кто остается по другую сторону. В этих законах, может быть, не всё было правильно, но были и очень существенные принципы: держать слово, не предавать своих ни при каких обстоятельствах. Законы были очень жёсткими. И это накладывало определенный отпечаток на наше поколение, на нашу судьбу... Практически все владели жаргоном – “ботали по фене”, многие тогда даже одевались под блатных...”

Что общего было у них, элитных, живших в центре Москвы, и обычной дворовой ребятни, забиравшей, как мы, на чердак и читавшей книжки про войну “Это было под Ровно”, “Молодая гвардия”, “Служу Родине” (И. Н. Кожедуб, наш кумир, сбивший 63 самолёта врага, горевший, которому не мерещился его истребитель), “Повесть о Зое и Шуре” Л. Т. Космодемьянской. Мы жили на заводской окраине, кругом были заводы, на которых работали наши старшие, и люто ненавидели бандитов и воров, отбивавших у людей последнее и убивавших их. Разные у нас были миры с Высоцким.

Sokol

“... На какой стороне баррикад оказался”? Ответ не сложный. Если принять во внимание сакральное Высоцкого: вор должен сидеть в тюрьме. Причём эту крылатую фразу знали не только в Союзе, но и за рубежом. Высоцкого в Союзе никто не запрещал. Просто ему официально не выделяли сценические площадки и не производили записи на государственных студиях. А вот шла молва, что некоторые начальнички, в том числе среди военных, приглашали его на вечеринки.

Зубр

И правда, Есенин – и родной, и народный. Тут и близко нет смрада кичливой блатнятины Высоцкого.

Захар, конечно, очень старается отмыть что-нибудь у кобеля, чтобы оставить его хоть немножко своим парнем. Но не слишком убедительно. Не могу сейчас не преклоняться перед честностью, прозорливостью и мужеством Ст. Куняева, публично открывшего суть Владимира Семеновича в то время, когда бушевала истерия преклонения перед ним.

“ЭТО НОРМАЛЬНО”

Комментарии Захара Прилепина

Насколько я вижу, для части моих сограждан не существуют никаких иерархий в сфере культуры, и они уверены, что их “личное мнение” может служить основой для иерархий.

Доводы при этом приводятся совершенно детские. Например, такие: “Я Пушкина ни одного стихотворения не помню, а Высоцкого – десятки”. Поэтому – делается вывод – Высоцкий классик. Но современные молодые люди помнят сотни песен Басты или Шевчука наизусть. И что из этого?

Высоцкий – это серьёзное культурное явление, но по гамбургскому счёту он стоит вверху того ряда, где Галич, Шевчук и Баста, а не в том ряду, где Блок, Павел Васильев и Геннадий Русаков. Мне говорят: после смерти Высоцкого прошло уже 28 лет – а его не забывают! Это не “уже” – это “всего”: потому что люди, которые слышали Высоцкого в 10, 20, 30, 40 лет – они, как правило, живут и здравствуют. Но если проводить опросы среди поколений родившихся в 90-е и “нулевые” – там значение Высоцкого приближается к значению, скажем, Марка Бернеса. Разве Марк Бернес был плохой исполнитель? Прекрасный! Разве его мало любили? Его обожала вся страна. И актёр он был не менее, а даже более известный, чем Высоцкий. И где теперь его слава? Теперь на этом месте новые герои. Что поделаешь: это минусы массовой культуры. Для каждого поколения – свои герои в сфере массовой культуры.

При жизни они многократно популярнее полководцев, провидцев, поэтов.

Потом всё меняется с точностью до наоборот.

Высоцкий, я без иронии говорю, это супергерой целой эпохи. В сущности, я горжусь, что такой исполнитель и такой типаж явился в СССР и был так любим. Но если о поэзии – в тех пространствах, где существуют Есенин и Юрий Кузнецов, – Владимир Семёнович Высоцкий не различим.

От него останется 10–15 текстов. Это отличные тексты. Был такой, скажем, Нелединский-Мерецкий – от него осталось две народные песни. Был Вертинский – от него тоже останется несколько прекрасных песен. И Высоцкий тоже был.

Это нормально.